

Краткое содержание:

Наступает утро. Лань Ванцзи просыпается и слышит довольно поразительные обрывки разговора между Триадой жизнеобеспечения.

О, ещё есть проблема с этим надоедливym лесом...

Лань Ванцзи проснулся не сразу, постепенно, удобно прижатый к тихо сопящему, крепко спящему Вэй Усяню, и улыбнулся, из-под полуопущенных ресниц наблюдая, как лучи утреннего солнца раскрашивают тёмную комнату кремовыми и оранжевыми цветами.

Довольный близостью возлюбленного, Лань Ванцзи не спешил двигаться. Лежал на своей плоской подушке и ждал, когда проснётся Вэй Ин. Прислушивался к его мирному дыханию, к ровному биению его сердца. И сам не заметил, как погрузился в лёгкую дремоту.

Живой.

Они были живы.

Лань Ванцзи крепче обнял Вэй Ина, притягивая его ближе — настолько близко, насколько позволяли два отдельных тела. Демонический заклинатель тихо фыркнул в ответ, повернул голову и уткнулся носом в изгиб шеи Лань Ванцзи.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, могу я их разбудить?

Лань Ванцзи вздрогнул: он забыл, что их редко оставляют одних. Этот капризный голос явно принадлежал Цзян Ваньиню, который, казалось, был не особо доволен тем, что его брат (бесстыдно) растянулся на Лань Ванцзи.

— А-Чэн, позволь им проснуться самим. Всё же они ещё лечатся.

Лань Ванцзи никогда не слышал в речи брата такого милого, медово-сладкого тона и уж тем более не подозревал, что его брат способен использовать такие ласковые слова.

Он надеялся, что никто не заметил, что он всего лишь притворяется спящим; хотя надежда эта была крайне слабой, его брат знал о нём всё. Лучше, чем он сам. Даже о его томительной тяге к Вэй Ину, о его чувствах и желаниях, брат узнал ещё до того, как об этом догадался сам Лань Ванцзи.

И, конечно, Ванцзи мог позволить себе подслушивать, ведь они не озаботились тем, чтобы вести себя тихо или скрытно.

Но Лань Сичэнь никогда раньше не проявлял такого интереса к кому-либо.

— Сичэнь, да ладно, ты же не можешь, и правда, чувствовать себя комфортно, позволяя им...

Лань Ванцзи предположил, что Цзян Ваньинь указал на них, а точнее на своего брата, беззаботно растянувшегося на нём во весь рост.

Сичэнь был прав. Чем больше у них естественного сна, тем быстрее они выздоровеют и уйдут отсюда. Прямолинейный, раздражённый, но любящий ответ Вэнь Цин был быстрым и логичным, как Лань Ванцзи и ожидал от неё:

— Ваньинь, оставь это.

По ворчливым, но бессловесным жалобам Цзян Ваньиня Лань Ванцзи понял, что она победила.

— А-Цин знает лучше. Они скоро проснутся. Ни один из них не обедал, так что голод скоро пробудит их.

Лань Ванцзи почувствовал себя плохо: если бы прямо сейчас он стоял, ему пришлось бы сесть при этих словах брата.

Такая фамильярность между этими тремя... раньше он не был в этом уверен, но теперь...

Ну, он пробыл без сознания в течение двух месяцев, а затем сосредоточился на своём выздоровлении и выздоровлении Вэй Ина. Он не мог даже предположить, что произошло, пока он не знал о бодрствующем мире.

Тем не менее, такое развитие событий казалось далеко выходящим за рамки того, что он считал возможным для своего брата.

— Сичэнь, ты можешь пойти приготовить им завтрак? Они скоро встанут, и было бы лучше принести сюда немного еды. — Вэнь Цин сделала паузу, прежде чем продолжить с ноткой веселья в голосе. — Мы разбудим Вэй Усяня одним запахом.

Цзян Ваньинь рассмеялся:

— Именно так и будет.

И вновь эти нотки нежности в голосе, которые сбивали Лань Ванцзи с толку.

Он подождёт, пока Вэй Ин проснётся, и спросит, что его партнёр («Партнёр!» — кричал его разум) думает о ситуации.

— Я уверен, что дева Цзян уже приготовила еду. Она расстроена, что не может сама прийти в Комнату Исцеляющего Лотоса, да и маленькому А-Юаню грустно, что он не может навестить своего Сянь-гэгэ.

Лань Ванцзи уловил в словах своего брата ироничный юмор и удивился, почему дева Цзян и А-Юань не могут прийти, но решил, что это тоже может подождать, пока Вэй Ин проснётся.

— Захвати и наш завтрак, Сичэнь, — попросила Вэнь Цин. — И принеси, пожалуйста, побольше бумаги для талисманов из запаса исследователя Ли, если тот не будет возражать.

— Твои руки достаточно зажили, чтобы нарисовать столько талисманов? — Цзян Ваньинь казался необычно обеспокоенным.

Вэнь Цин усмехнулась:

— К чему этот вопрос? Вы двое достали меня кремами и мазями хуже, чем А-Нин, и лучше меня знаете состояние моих рук! — Пауза, во время которой Лань Ванцзи подумал, что она, должно быть, демонстрирует свои руки в качестве доказательства. — Всё, что осталось, это небольшие шрамы и стянутость, которые исчезнут со временем и с помощью лекарств.

— Исследователь Ли более чем способен сам изготовить необходимые талисманы, А-Цин, — Голос его брата доносился теперь откуда-то издалека, скорее всего, он направлялся к двери. — Почему ты так стремишься работать над ними сама? — Теперь в голосе брата звучали любопытство и тревога, и Лань Ванцзи захотелось увидеть, отражает ли его лицо эти слова и опасения.

— Я изучала медицинское применение талисманов, чтобы узнать, есть ли способы превратить избыточную духовную энергию в исцеляющее поле. Думаю, мне это удалось, но мне нужно всё проверить.

Если бы ей это удалось, подумал Лань Ванцзи, она была бы одной из самых востребованных целительниц во всем мире совершенствования, независимо от её фамилии.

Очевидно, его брат и Цзян Ваньинь тоже понимали последствия.

— Я... я принесу бумагу. — Мгновенная пауза. — Тебе нужны чернила? — Ответ целительницы, должно быть, выглядел, как отрицательное покачивание головой, поскольку его брат добавил: — Тогда только бумага. И завтрак для проснувшейся парочки.

Лань Ванцзи не был уверен, как он относится к тому, что слово «пара» по отношению к нему и Вэй Ину звучит столь легкомысленно, но это было не так важно, чтобы он прямо сейчас начал протестовать. Главное, что их считают парой, и это позволит ему быть откровенно собственническим в общественных местах, чем он в полной мере воспользуется в будущем.

Дверь открылась и закрылась, шаги удалились (странные звуки, как будто кто-то продирался сквозь листву или кусты, слабо донеслись, после того, как его брат ушёл).

Цзян Ваньинь вздохнул.

— Не смотри так ревниво, Ваньинь, тебе это не идёт, — шутливо проговорила Вэнь Цин. — Если ты хочешь...

Её слова резко оборвались, и Лань Ванцзи позабавился лёгким, добродушным смехом, который наполнил воздух, хотя и был явно приглушён.

— Тебе не нужно говорить... говорить такие вещи! - запротестовал Цзян Ваньинь. — Я не... я не ревную! — Он зашипел на какое-то выражение, которым Вэнь Цин его, должно быть, одарила. — С чего бы мне ревновать к этому идиоту? Ему потребовались годы, чтобы понять, что происходит. По крайней мере, я... — Он замолчал, неуверенность струилась из его слов. — По крайней мере, мне не придётся так долго жить в забвении.

— Ваньинь... А-Чэн... — Раздался придушенный писк, который явно исходил от Цзян Ваньина, и Вэнь Цин хихикнула. — Если бы А-Хуань ничего не сказал, как долго бы ты удирал из Комнаты, точно застенчивая девица, всякий раз, когда кто-то из нас смотрел на тебя?

И снова Лань Ванцзи потратил слишком много времени, пытаясь переварить детское имя своего брата, произнесённое вслух кем-то, не являющимся его ближайшим родственником. Он безмолвно благодарил Небеса за то, что остался в постели, иначе он мог оказаться на полу от накрывшего его ошеломления.

Его годами возводимый каменный фасад также получил благодарственные слова вместе с молитвами богам за подаренное терпение и мастерство, позволяющее всегда сохранять невозмутимое лицо, даже под напором последовательных шокирующих откровений.

— Я бы... то есть... я... — Цзян Ваньинь безуспешно пытался защитить свой эмоциональный интеллект, о котором Лань Ванцзи не имел права судить, учитывая, что он предоставил Вэй Ину дразнить своего брата.

— Пей чай, Ваньинь, и заканчивай свои отчёты.

— А-а, хорошо.

Наступила тишина, уютная и полная мелких звуков: звон чашек, шелест бумаги, мягкое царапанье тонкой кисти. Затишье повседневных дел длилось достаточно долго, и Лань Ванцзи начал дрейфовать между бодрствованием и сном. Сонное сопение Вэй Ина прямо над его ухом и урчание в его груди звучали мягкой колыбельной, зовущей его обратно в страну грёз.

Он бы окончательно сдался, если бы дверь не открылась, и голос его брата не приветствовал их весело и бодро.

Голос прозвучал достаточно громко, чтобы Вэй Ин начал переход от сна к шаткому осознанию, и приглушённые жалобные стоны наполнили Лань Ванцзи нежным обожанием.

Он был готов, когда Вэй Усянь широко зевнул и начал размахивать руками в каком-то странном утреннем ритуале потягивания-жалобы-приветствия, который непременно бы задел Лань Ванцзи по лицу, если бы он не был так внимателен (по крайней мере, один раз это произошло, помнил его нос).

— Доброе утро, Вэй Ин, — тихо сказал он, и перед глазами возникло заспанное утреннее лицо возлюбленного.

— Доброе утро, Лань Чжань, — невнятно пробормотал тот, явно не до конца проснувшись. — Шумно.

Лань Ванцзи не смог сдержать улыбку, услышав эту часто повторяющуюся жалобу.

— Мы здесь не одни, Вэй Ин, — объяснил он, как делал каждый раз, когда Вэй Ин просыпался с одной и той же жалобой.

Вэй Ин скривился.

— Я хочу есть, Лань Чжань, — капризно произнёс он вместо дальнейших жалоб.

— Еда есть, — ответил Лань Ванцзи, слегка кивнув в сторону внезапно подозрительно притихшей троицы.

— Мм. — буркнул Вэй Усянь, выглядя так, будто он хотел бы снова заснуть, уткнувшись в шею Лань Ванцзи, и хотя Лань Ванцзи определённо не стал бы против этого возражать, он знал, что им обоим нужно подкрепиться, и если он позволит возлюбленному снова заснуть, то ни один из них не поест ещё как минимум одну ароматическую палочку.

— Вставай, Вэй Ин.

У Лань Ванцзи было достаточно сил, чтобы обратить свои слова в действие, а не в

предложение; сегодня тело ощущалось намного более крепким, чем вчера — может быть, Слияние сделало его сильнее? Он должен спросить у целительницы Цин.

Вэй Ин хмыкнул и потянул их обоих в вертикальное положение. Он обнял ворчащего Лань Ванцзи за талию и снова широко зевнул, пытаясь разогнать сонливость.

— Еда, Лань Чжань. Мне нужна еда, — новый зевок, — и объятия. Необязательно в таком порядке.

— Вэй Усянь, бессовестный идиот! Мы прямо здесь!

Цзян Чэн слышал сонные восклицания Вэй Усяня, уже зная, что ему придётся пропустить первые несколько (всегда сентиментальных и липких, от которых у него болели зубы), прежде чем он сможет прервать его.

Он знал, что его брат был бесстыдным гениальным учёным-идиотом. Он имел дело с этим бессовестным придурком уже дюжину лет, и всё же он никогда не видел Вэй Усяня таким... совершенно и беззастенчиво бесстыдным. Тот самый ребёнок, который проспал лекции, но сдал практические тесты. Тот, кто чувствовал себя с мечом и луком, как рыба в воде, но отказывался совать нос в книгу, если только упомянутая книга не находилась в разделе запрещённых или не была покрыта магическими письменами, на которые Цзян Чэн всегда косился с подозрением. Тот, кому обязательно требовались десятки талисманов под рукой.

Тот же самый ребёнок, выросший во взрослого, без стеснения выставляющего на всеобщее обозрение свою гениальность и дерзость, теперь свернулся калачиком на коленях Ханьгуан-цзюня. С распущенными волосами, одетый лишь во внутренний спальный халат, с объявлением о помолвке на запястье он нагло выпрашивал физическую ласку.

Вэй Усянь раздражённо посмотрел на него.

— Ну, можешь уйти, если не хочешь смотреть, — заявил он с дерзостью в голосе и юмором (он смеялся над Цзян Чэном!) в глазах.

Теперь, когда Вэй Усянь отлепился от Лань Ванцзи, его спальный халат, свободно облегающий тело, распахнулся и Цзян Чэн сразу же увидел излишне огромную тёмно-фиолетовую отметину у основания шеи.

Всё лицо главы Цзян вспыхнуло, он отвернулся к дальней стене, и из его горла вырвался сдавленный стон ярости.

Широко раскрыв глаза, Вэнь Цин прикрыла рот рукавом мантии и покраснела.

Даже лицо Лань Сичэня порозовело:

— Молодой господин Вэй... Возможно, ты захочешь... — Он поднял руку и постучал себя по шее; его лицо напряглось, пока его мозг обдумывал, как именно Вэй Усянь заполучил эту метку.

Демонический заклинатель нахмурил брови, в замешательстве поднял руку и дотронулся до шеи (не с той стороны). Лань Ванцзи осторожно переместил его руку вправо, и Лань Сичэнь подавил желание присоединиться к Цзян Чэну, уставившемуся в какую-то особенно важную точку на дальней стене. Уж слишком гордым выглядел его брат, когда провёл пальцами по оставленной им метке.

— О, — протянул Вэй Усянь, тыча пальцем в синяк. — Верно, от поцелуя Лань Чжэня остался след. — Он ухмыльнулся, даже не подумав раскаиваться. — Так что насчёт этого?

Ещё один сдавленный стон Цзян Чэна, в то время как Лань Сичэнь приглушённо ахнул.

— Ты... Нельзя, чтобы тебя видели в таком виде, молодой господин Вэй, — нерешительно проговорил он, уже понимая, что битва проиграна, когда Вэй Усянь пожал плечами. — Это... это очень... — Он покачал головой. — Пожалуйста, ради меня, ради Ваньиня, пожалуйста, молодой господин Вэй, хотя бы твои спальные одежды.

Демонический заклинатель тяжело вздохнул, слез с колен Лань Ванцзи и поправил свою лёгкую внутреннюю мантию (его любимый красный цвет), пока она не легла должным образом, закрывая большую часть очень впечатляющего синяка.

«Это следы от зубов?» — в ужасе подумал Лань Сичэнь.

Тем временем Вэй Усянь туже затянул пояс и повернулся к троице наблюдающих за ним заклинателей.

— Лучше? — с раздражением поинтересовался он. — Теперь я могу поесть? Пожалуйста.

Слегка успокоившись, Лань Сичэнь поставил поднос на обеденный стол, а потом положил стопку бумаг для талисманов на личный стол Вэнь Цин.

— Дева Цзян просила тебя навестить её, как только ты сможешь. Я сказал, как только ты закончишь завтракать, но у вас двоих есть одно задание, с которым вы должны разобраться, прежде чем вы сможете заняться чем-то ещё.

Вэй Усянь плюхнулся на стул, схватил тарелку лёгкого супа, потыкал ложкой плавающие в нём овощи и принялся радостно работать ложкой, издавая довольные урчащие звуки.

— Ещё одно задание? — спросил он, глотая суп.

— Да, но сначала поешь, это может подождать некоторое время. — Лань Сичэнь сел рядом с Вэнь Цин, взял чашку чая и попытался изгнать образ своего младшего брата, оставляющего столь впечатляющую отметину на шее Вэй Усяня.

Лань Ванцзи меж тем поправил собственную мантию, устроился рядом с Вэй Усянем и приступил к завтраку, медленно жуя, словно нарочно противопоставляя образцовое поведение набитым щекам Вэй Усяня.

— Что произошло? — спросил он, задумчиво сузив глаза.

— Заканчивай есть, вам понадобится энергия. — Вэнь Цин на мгновение нахмурилась. — Кроме того, вам понадобится более подходящая одежда. Ваньинь, ты можешь найти брату мантию? Подозреваю, что у девы Цзян есть что-то для Вэй Усяня. — Целительница повернулась к Лань Сичэню. — У тебя случайно нет чего-нибудь для брата?

— Конечно. Ваньинь, мой дядя принёс подходящую одежду во время своего последнего визита, он оставил её в комнате, отведённой ему Чифэн-цзунем. — Лань Сичэнь улыбнулся всё ещё краснеющему Цзян Чэну. — Найти не составит труда.

Получив повод сбежать, Цзян Чэн коротко кивнул и почти вылетел из комнаты.

Звук того, как он, словно медведь, продирается сквозь деревья, сбил с толку обоих завтракающих заклинателей.

— Кто-нибудь недавно ремонтировал двор? Я не помню, чтобы там были деревья, — рассеянно прокомментировал Вэй Усянь и отправил в рот очередную ложку супа. — Я имею в виду, похоже, комнату тоже отремонтировали. Эти украшения из веток довольно крутые, но вчера их здесь не было. На самом деле, они выглядят немного громоздкими. — Он посмотрел на клумбу под оббитым ветвями окном и улыбнулся: — Хотя цветы — приятное дополнение к обстановке.

Вэнь Цин фыркнула, а Лань Сичэнь спрятал улыбку в рукаве мантии:

— Просто заканчивай есть, и мы всё объясним, как только вы оба позавтракаете и оденетесь.

В его голосе не было ни озабоченности, ни беспокойства, поэтому Вэй Усянь легкомысленно пожал плечами и доел суп, а потом насыпал в тарелку немножко риса, чтобы тот впитал остатки бульона, и разом отправил его в рот.

Целительница закатила глаза к потолку.

— Еда никуда не денется, Вэй Усянь, — раздражённо сказала она. — Почему ты всё время торопишься?

Демонический заклинатель не ответил. Он просто дочиста облизал свою ложку и с широкой улыбкой посмотрел на Вэнь Цин:

— Дело сделано!

Целительница смиренно указала на таз и мочалку...

Лань Ванцзи как раз закончил завтракать, когда Цзян Чэн вернулся с двумя комплектами мантий в руках.

Сливающаяся Пара была уже достаточно сильна, чтобы быстро привести себя в порядок и одеться: накинуть мантии и завязать их, обернуть пояс вокруг талии, чтобы всё выглядело пристойно, и расчесать волосы, прежде чем подвязать их. Лань Ванцзи вежливо отложил запасную лобную ленту, которую дядя спрятал среди его одежды, и взглянул на ту, что по-прежнему украшала запястье Вэй Усяня.

Его лобная лента была там, где и должна была быть, ему не нужна была новая.

Пару, одетую соответствующим образом для предстоящей задачи (и, что наиболее важно, темно-фиолетовый след от поцелуя на шее Вэй Усяня теперь был надёжно спрятан под его верхними мантиями), подвели к входной двери.

— Вы двое помните вчерашний день, да? — уточнила Вэнь Цин.

Вэй Усянь помрачнел:

— Трудно забыть, как всё твое мировоззрение переворачивается с ног на голову.

Целительница закатила глаза:

— Ну, у твоей вспышки были некоторые побочные эффекты. — Сказав это, она открыла двери и позволила Паре впервые взглянуть на их лес. — Как видите, двор и тренировочные поля получили новые украшения.

От основания ступеней крыльца вперёд и в обе стороны раскинулся густой, ярко зелёный лес. Деревья пронзали небо, словно врытые в землю копыя. Кусты, усыпанные роскошными цветами, заполняли пространство между мощными стволами. Мох, ковром выстилал корни деревьев, взбирался вверх по коре, а в редких местах добирался почти до ветвей. Если не знать лучше, то казалось, что они оказались на опушке древнего леса, вдали от людей и их безрассудного истребления друг друга.

— Почему здесь лес? Вчера здесь не было леса. — Вэй Усянь выглядел так, словно был не в

состоянии осознать то, что сказала ему Вэнь Цин.

— Идиот, вы двое создали этот лес! - теряя терпение, практически заорал на своего брата Цзян Чэн.

Сбитые с толку серебряные глаза повернулись и посмотрели на главу Ордена Юньмэн Цзян:

— Хм? Мы... что?

— У тебя уши ватой забило? Ты и Лань Ванцзи создали этот лес!

Цзян Чэн указал на возвышавшуюся у крыльца стройную линию массивных деревьев и многозначительно приподнял бровь.

<http://bllate.org/book/13203/1177370>